

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ЕЕ СОЗИДАТЕЛЕЙ:
 МАТЕРИАЛЫ ЭКСПРЕСС-ОПРОСА**

В связи с возросшим интересом и увеличившимся количеством региональных исследований редакционная коллегия решила обсудить на страницах постоянно действующей рубрики «Теория, методология, источниковедение» вопросы, связанные с развитием и достижениями современной регионалистики. Предлагаемый экспресс-опрос нацелен на прояснение значимости и необходимости региональных исследований в формирующемся новом пространстве исторического знания. В его проведении согласились принять участие как «столичные», так и «региональные» историки. Надеемся, что публикация результатов опроса окажется хорошим подспорьем и поводом к размышлению для тех, кто уже не один год занимается историей отдельных регионов нашей необъятной родины.

Материалы рубрики подготовлены **канд. филос. наук В. В. Шапаренко и д-ром ист. наук Т. П. Хлыниной.**

1. Какой «частью» региональной истории Вы занимаетесь? Что предопределило Ваш профессиональный выбор?

2. Что представляет собою, на Ваш взгляд, современная региональная история: самостоятельное исследовательское направление или же иллюстративный материал для более серьезных исследований?

3. Видите ли Вы различие между краеведением и регионалистикой?

4. Повлияла ли ситуация методологического плюрализма на региональные историописания? Если да, то в чем это влияние, на Ваш взгляд, проявилось?

5. Необходимо ли региональной истории какое-то особое методологическое обоснование? Если да, то зачем?

6. Насколько допустим «плюрализм» и возможна «толерантность» в региональных исторических исследованиях?

7. Знаете ли Вы о существовании и деятельности научно-образовательного центра «Новая локальная история»? Насколько актуален и применим в исторических исследованиях регионов познавательный ракурс, предложенный представителями данного направления: история региона как история социокультурных сообществ?

8. Находит ли применение в Ваших исследованиях тематика, предложенная в рамках «новой локальной истории»: «опыт совместного проживания» горожан и сельчан, этносов и конфессий; «культурный обмен» и контакты «пограничных» регионов, этносов; культурная идентичность в мультикультурном пространстве?

9. Какие традиционные и новационные (теоретические и эмпирические) методы Вам помогают глубже и интереснее изучать региональный исторический материал?

10. Что для Вас значит история «малой Родины»? Насколько актуальным является сейчас «воспитание историей»?

11. Есть ли необходимость в приумножении региональных исследований? Не превращается ли история в набор мало что проясняющих занимательных рассказов?

Румянцева Марина Федоровна — канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института ГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва).

Маловичко Сергей Иванович — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К. А. Тимирязева (Москва).

1. М. Р. Теорией региональной истории, проблемой соотношения новой локальной истории как проблемного поля актуального научного исторического знания и краеведения как формы массового сознания. Интерес сформировался в рамках общей проблемы истории как строгой науки, соотношения социальных функций разных форм историописания.

С. М. Региональной историей я не занимаюсь, но вместе с М. Ф. Румянцевой и Т. А. Булыгиной начинал разрабатывать теоретическую основу направления «новая локальная история». Для меня представляет интерес историография локальной истории, в т. ч. история

краеведения, которое мы пробуем рассматривать в проблемном поле интеллектуальной истории. Мне интересны и некоторые другие исследовательские поля нашего направления: городская и сельская истории, история пограничных областей и др.

Теперь о том, что предопределило мой профессиональный интерес. Идея разработки направления «новая локальная история» возникла летом 2002 г. в общих беседах с Т. А. Булыгиной в Ставрополе. Нам тогда хотелось обратить внимание на социокультурную историю Ставрополья и Северного Кавказа, хотелось заняться местной проблематикой, но при этом выйти за рамки исторического краеведения, преодолеть его. Пока еще «сырую» идею (без названия направления) я обсудил с М. Ф. Румянцевой и ныне покойным В. А. Муравьевым на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ. Вот здесь все и началось. Я даже точно не скажу, кому первому пришла в голову идея с названием, но оно повторяет существующее в новейшей британской историографии направление. Будет правильнее сказать, повторяет своим названием и социокультурной ориентацией исследовательских практик, но не более того. Теоретическую основу мы разрабатывали сами. Мне уже приходилось писать о том, что британская новая локальная история вышла из социальной истории, критически пересмотрев ее традиционные постулаты. Кроме того, и современная интеллектуальная история выросла из критического анализа социальной истории. В нашем случае ирония заключается в том, что мы приступили к конструированию теоретической базы новой локальной истории, твердо опершись на интеллектуальную историю. Можно сказать, что мы идем с британскими коллегами близкими, но не пересекающимися курсами.

Уже в том же 2002 г. мы разработали проект программы исследований, создали научно-образовательный центр и сайт «Новая локальная история» и т. д.

2. М. Р. Фактически ответ на этот вопрос дан выше. В актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации параллельно существуют близкая массовому сознанию нарративистская парадигма и парадигма когнитивной истории как строгой науки (подробнее см.: *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.). Четкое разграничение этих парадигм и выявление социальных функций каждой из них, на мой взгляд, — насущная задача теории исторического знания. В сфере исторической регионалистики этому процессу соответствует размежевание новой локальной истории и краеведения.

Новая локальная история — научное направление, (1) входящее в систему проблемных полей актуального исторического знания, (2) в наибольшей степени, наряду с интеллектуальной историей, соответствующее потребностям современного социума.

Третью часть вопроса считаю некорректной. Как минимум полвека, по крайней мере, с выхода книги Т. Куна «Структура научных революций» (1962), ясно, что знание не развивается кумулятивно. Современная философия науки не предполагает возможности накопления «иллюстративного материала для более серьезных исследований», да и здравый смысл подсказывает, что иллюстрировать можно только что-то уже существующее.

С. М. Региональная история представляет собой самостоятельное направление, но, как в российской, так и западноевропейской исследовательских практиках границы и объект исследования четко не определены. Некоторые исследователи даже иногда не проводят различие между совершенно разными областями знания — историческим краеведением и региональной историей. Мне с М. П. Мохначевой как-то приходилось об этом писать (см.: *Маловичко С., Мохначева М.* Тенденции и перспективы интеграции региональных исторических исследований // *Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 1.* К.: Інститут історії України НАН України, 2007. С. 29—46). На мой взгляд, добротную теоретическую основу под «новую регионалистику» и «региональную историю» сегодня подводят наши украинские коллеги, в частности Я. В. Верменич. Может, в данном случае я покажусь субъективным, но Я. В. Верменич выбрала интересный по своей новизне путь развития региональной истории в Украине, сменив традиционную социально-политическую составляющую этого направления на социокультурную и показав в такой практике большую близость с нашей новой локальной историей (см.: *Верменич Я.* Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // *Регіональна історія України. Вип. 1.* С. 13—19).

Региональная история как иллюстративный материал? Никакая история не дает иллюстративный материал, конечно, кроме картинок к популярным или учебным историческим текстам. Я согласен со словами Марины Федоровны, но хочу добавить, что метафора «история как иллюстративный материал» соответствует массовому сознанию, но не научному. Однако большое распространение она имела (вероятно, имеет и сейчас) в краеведении.

Основоположники этого общественного движения И. М. Гревс и С. И. Архангельский еще в 20-х гг. XX в. вполне по-позитивистски отвели краеведению вспомогательную роль по отношению к национально-государственной истории, роль — сбора материала. Эта модель взаимоотношения местной истории и истории государственной популяризировалась даже Д. С. Лихачевым (см.: *Гревс И.* История в краеведении // *Отечество: Краеведческий альманах.* Вып. 2. М., 1991. С. 6, 9, 14; *Архангельский С.* Локальный метод в исторической науке // *Краеведение.* 1927. Т. 4. № 4. С. 193, 194; *Лихачев Д.С.* Краеведение как наука и как деятельность // *Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики: сб. науч. статей.* К.: АН Украины, 1991. С. 3, 4).

3. М. Р. Предпочитаю соотносить краеведение с новой локальной историей. Что касается регионалистики, то требуется дополнительное прояснение терминологии. Практика показывает, что термин «регионалистика» представители краеведения часто используют как синоним именно краеведения. Но и здесь возникают иногда казусы. Например, название кафедры — кафедра региональной истории и краеведения, на мой взгляд, предполагает четкое разграничение этих понятий; на самом же деле этого не происходит. С точки зрения русского языка, в этом случае было бы более уместно название: региональной истории, или краеведения (именно с наличием запятой — не буду вдаваться здесь в тонкости синтаксиса).

Для новой локальной истории такое смешение понятий не свойственно в силу наличия в этом направлении нормальной методологической рефлексии. Для меня регионалистика — это особое научное направление, связанное, в первую очередь, с полидисциплинарным изучением регионов и не входящее в систему собственно исторического знания.

С. М. Понятие «регионалистика» пришло в историческую науку из экономического дискурса и по отношению к историческому исследованию я бы его не употреблял. Но, как говорится, дело вкуса... Если же вести разговор об исторической регионалистике, то разница с краеведением большая, но сразу возникает другой вопрос: «историческая регионалистика» и «региональная история», это одно и то же?

Так как я занимаюсь новой локальной историей, то мне удобнее сравнить это направление с краеведением. Краеведение или местную историю не все признают научным направлением. Однако следует понимать, что разговор о «научности» новой локальной истории и «(не)научности» краеведения должен учитывать тот факт, что речь идет не столько о разных исследовательских областях дисциплинарной историографии, сколько о разных практиках исторического сознания. Отношения традиционного краеведения с наукой более сложные, чем нам иногда кажется. В данном случае, «не научная» или «не совсем научная» практика традиционного краеведения не может оцениваться профессиональным историком как «плохая». Она просто *другая*, чем и представляет определенную культурную ценность. Однако нужно понять, что эта ценность больше принадлежит *массовому сознанию*, нежели исторической науке. Я бы еще прибавил то, что краеведение и научная история (к которой относится новая локальная история), это две разные историографические культуры с неодинаковым целеполаганием. Одна из них (краеведение) представлена социально ориентированным историописанием, другая — научно ориентированным. И, самое важное, что разные цели, заложенные в основание практики выполнения исследовательской операции, делают дискуссию между двумя историографическими культурами практически невозможной.

4. М. Р. При ответе на этот вопрос есть смысл говорить только о новой локальной истории как научном направлении. Несомненно, полиметодологизм заставляет усилить методологическую рефлексия, более четко эксплицировать методологические основания данного направления, как и любых других направлений собственно научного исторического знания.

С.М. Данный вопрос заставляет вспомнить некоторые комические ситуации, когда наши исследования в проблемных полях новой локальной истории (совершенно без какого-либо повода с нашей стороны) сопровождались комментариями коллег о том, что новая локальная история придумана для того, чтобы, если уж не погубить краеведение совсем, то, по крайней мере, сделать жизнь краеведов невыносимой. Плюрализм, конечно, нужен. Нам неоднократно приходилось повторять, что новая локальная история не угрожает традиционному местному или региональному исследованию, а предлагает возможности осмысления и применения новых проектов и нового исследовательского инструментария.

Современная ситуация прекрасно подтверждает, что исследователи не могут двигаться к единственно возможной «научной» практике изучения местной истории. Историческое краеведение, локальная, региональная и новая локальная истории впредь будут представлять гетероглосию. Разумеется, происходящее имеет свои последствия. Понятийное непо-

нимание между направлениями и инструментальное разнообразие не способствует снятию противоречий. Противоречия усиливаются межсубъективными отношениями исследователей и порождают риторику, при помощи которой разные дискурсы пробуют отстаивать «правильность» своего пути в науке. Не следует надеяться, что фрагментация местного и регионального исследовательского поля уйдет в прошлое. Фрагментация сегодня присуща как всей дисциплинарной историографии, так и многим сторонам человеческой деятельности. В науке этого бояться не следует, т. к. багаж местной и региональной историографии будет только пополняться, будут совершенствоваться исследовательские методы и профессиональные стандарты.

5. М. Р. Ответ на этот вопрос фактически дан. Новая локальная история обладает тем же методологическим статусом, что и любое другое проблемное поле актуального исторического знания. Особенность методологического обоснования здесь может быть обусловлена, на мой взгляд, тем, что новая локальная история наиболее тесным образом соприкасается с такой формой массового сознания, как краеведение.

С.М. Конечно, нужно. Если говорить о «методологическом обосновании» (мне кажется, что речь идет все-таки о теоретической основе; рефлексия о методологическом инструментарии решается в конкретной исследовательской практике) региональной истории, то я бы посоветовал работы Я. В. Верменич. Теоретическую основу новой локальной истории можно представить таким образом:

В теоретическую основу новой локальной истории заложен принцип широкого контекстуализма. Историографическая практика направления покоится на рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Новая локальная история находится в исследовательской области *новой социально-культурной истории*. *Историко-культурный подход* помогает переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск нового — «глокального» субъекта исторического действия. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных/административных образцов и сосредоточивает внимание на «пространстве» и «пространственных образах», проявляет интерес к «образу жизни», «культурному значению» и т. д.

Предмет новой локальной истории — субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности.

Конституирование новой локальной истории идет не от объекта исследования (локуса), её организация основывается на методологических процедурах. Новая локальная история — это «способ видеть» локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи поперек административных, политических и культурных границ. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками.

6. М. Р. Не совсем понятно, что подразумевается под «плюрализмом» и «толерантностью», да еще и заключенными в кавычки. Про полиметодологизм речь шла выше. Воспитание толерантности (без всяких кавычек) — одна из социальных функций исторического знания, которая должна быть востребована в современном мире в целях его самосохранения.

С. М. Я согласен с ответом Марины Федоровны на этот вопрос. Однако думаю, что у меня есть, что предложить по вопросу о толерантности. Современная социокультурная ситуация заставляет историков рефлексировать об этой проблеме. Начать я хочу с банального, с того, что многие историки уже сами прекрасно видят. Резкий спад интереса к национально-государственной истории связан в т. ч. с пониманием конфликтности такой истории. Пока еще ни одна национальная историография не предложила совершенно безконфликтную для соседей национальную историю. Традиционное краеведение представляет из себя

антикварную модель исследования (см.: Маловичко С. И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь, 2005. С. 5—31). В такой модели объект изучения изолируется от других, что способствует распространению ксенофобии. Поэтому важна иная модель изучения. Еще в начале институционализации направления «новая локальная история» М. Ф. Румянцева писала, что новая локальная история представляет собой *экстравертный тип знания*, который обеспечивает воспитание столь необходимой толерантности за счёт понимания и принятия другого как другого (см.: Румянцева М. Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гельштальтах» исторического разума // Запад — Россия — Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь; Москва, 2003. С. 399). Что здесь имеется в виду? Исследования в проблемных полях новой локальной истории учитывают формулу «локус как общность, основанная на различии», поэтому они открываются не только своей мультисоциальной, но и мультикультурной сторонами. Тем самым новая локальная история бросает вызов национализму и местной ксенофобии, дает возможность находить иные темы в пределах больших социальных и культурных структур.

7. М. Р. Не только знаю, но и участвую в его работе с момента основания, поэтому не имею моральной возможности ответить на вторую часть вопроса.

С. М. Я также не берусь оценивать работу нашего направления.

8. М. Р. Поскольку занимаюсь преимущественно теорией исторического знания, то могу оценить указанную тематику с этой точки зрения. На мой взгляд, она соответствует современному уровню исторического познания, позволяет ставить актуальные исследовательские проблемы, в т. ч. и значимые для воспитания толерантности. Приведенные понятия обладают достаточной степенью научной точности, что позволяет использовать их в качестве терминов, обеспечивающих научную коммуникацию.

С. М. Я думаю, что ответом на данный вопрос являются наши интернет-конференции и диссертационные исследования молодых ученых.

9. М. Р. Являясь представителем Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, осознанно практикую феноменологический источниковедческий метод исторического познания, который востребован и новой локальной историей, наряду с другими проблемными полями актуального исторического знания.

С. М. Об этом я уже говорил при ответе на пятый вопрос.

10. М. Р. Предпочитаю не использовать в научных работах явно публицистический дискурс. Для решения проблемы чрезвычайно важно ее корректно сформулировать. Так называемое «воспитание историей» — это фактически реализация базовой инвариантной социальной функции исторического знания — формирования социальной памяти. При такой постановке проблемы мы — научное сообщество — должны подумать, к чему мы стремимся: формировать социальную память в рамках весьма локальных социумов («малая родина»), тем самым способствуя дальнейшей регионализации страны, или приоритетная задача — выстраивать историческую память в общенациональном/общегосударственном пространстве. Вопрос этот отнюдь не риторический, поскольку культурная и, по-видимому, социальная регионализация — одна их характерных черт современной социокультурной ситуации, ситуации постпостмодерна.

С. М. На первый вопрос хорошо ответила моя коллега, и я не берусь что-либо добавить.

На вопрос: насколько актуальным является сейчас «воспитание историей», у меня спрашивается уточнение: кто «воспитатель»? Если имеется в виду профессиональная историография и историк-вузовский преподаватель, то я боюсь, что скажу не вполне привычное: «воспитание историей» *уже* не является актуальным, причем ключевым здесь выступает слово «уже».

Недавно мы с Мариной Федоровной писали, что в настоящее время смены парадигм уже можно со всей определенностью утверждать, что кризис постмодерна, его трансформация в новую социокультурную ситуацию, именуемую постпостмодерном, привели, в первую очередь, к трансформации функций исторического знания, что в значительной мере сказалось на занятиях историей. Ситуация пост-постмодерна характеризуется, во-первых, поиском новых путей интеграции социума, в т. ч. и на основе общей истории (правда, выступающей уже по преимуществу не как метанарратив, а как «места памяти»), и, во-вторых, уже не просто расхождением, а непреодолимым разрывом между профессиональным знанием и массовым сознанием (см.: Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Образовательные практики высшей

школы: еще раз о краеведении и новой локальной истории // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия: материалы Всероссийской научной конференции. М., 2009. С. 206—207).

Современная социокультурная ситуация предоставила нам возможность для понимания того, что историки уже утратили былую монополию на объяснение прошлого, формы познания истории изменились, расширился состав субъектов исторического образования, ими выступают не только привычные учителя, профессура и учебники, но и кинематограф, телевидение, книги на исторические темы, отвечающие любым вкусам публики и т. д. Сегодня большими воспитательными функциями располагает не просветительское начало с его рационализаторским дискурсом, а социально ориентированное историописание и телепередачи с виртуальными событиями. Функции рационализации массового сознания, кроме того, затруднены манипуляциями сознанием со стороны современной российской власти. Наблюдается глубокая дерационализация мышления у молодежи. Историки, в т. ч. те, которые идентифицируют себя с проблемными полями региональной или новой локальной истории, не должны бороться с социально ориентированными «ложными» образами прошлого, а обязаны понять их. Мы прекрасно видим, что обозначенная историками всего четверть века назад проблема «памяти» поставила под сомнение историографию, которая предпочитала изучение постоянных структур прошлого, но пренебрегала изучением современников — носителей того или иного знания о прошлом. Нам надо находить не формы работы с массовым сознанием. Следует подумать об изменении стратегии исторического образования. Если оно будет представлено в его традиционной модели, не учитывающей современной специфики, которая требует понимания обществом не просто истории как повествования, а *знание инструментов, способствующих ее конструированию*, то не исключено, что в массовом сознании вообще исчезнет и без того уже тонкая грань между трудом профессионального историка и историописанием публициста, режиссера, политика.

И. М. Р. Ввиду вышесказанного необходимо разделить ответ на две части.

Необходимость исследований в проблемном поле новой локальной истории, на мой взгляд, вполне осознается/начинает осознаваться научным сообществом. Приведу только один пример. Если лет десять-пятнадцать тому назад весьма часто встречались темы квалификационных работ (кандидатских и докторских диссертаций), выстроенные по схеме: реформа такая-то на примере такого-то региона, положение крестьян на примере такого-то региона и т. п. Сейчас мы все чаще имеем дело с темами такого рода: «Шородовая реформа Екатины II в Тверской губернии» (тема докторской диссертации), «Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX в.» и т. д. И никто не обвиняет авторов в «мелкотемье».

Что касается «занимательных рассказов» краеведов, то считаю, что они выполняют чрезвычайно важную социальную функцию — обеспечивают локальную идентичность, притом в тех условиях, когда профессиональные историки явно не справляются в должной мере с этой задачей.

Краеведы часто обижаются, когда приходится говорить о том, что краеведение не наука, а иная форма общественного сознания. Причина таких обид легко объяснима хотя бы с точки зрения философии познания постпозитивизма. Напомню, что уже полвека тому назад постпозитивисты доказали, что наука — одна из форм общественного сознания, существующая не над, а наряду с другими, и ее особый авторитет в обществе нового времени обусловлен во многом санкцией государства. Иные формы общественного сознания в современной ситуации постпостмодерна явно востребованы социумом, и даже в большей мере, чем научное знание.

С. М. Механического приумножения исследований не бывает. Тут можно вспомнить нашу профессиональную банальность: каждое новое поколение историков заново переписывает историю. Исследование историка обусловлено временем и актуальной социокультурной ситуацией. Даже если мы договоримся больше не писать по истории того или иного региона, писать все равно будут, только не мы. Я полагаю, что присутствие таких новых проблемных областей, как локальная история, новая локальная история, региональная история, городская история, сельская история и т. д., только обогащает наши знания о том или ином объекте исследования. Все больший отклик среди исследователей находит практика компаративного исследования, среди городских историков получает популярность стратегия новой культурной истории («город как текст») и т. д. Сельской истории в проблемном поле новой локальной истории, позволяющей смотреть на сельское социокультурное пространство иначе, нежели это могли сделать аграрная и крестьянская истории, в этом году исполнилось всего четыре года...

Николай Александрович Мининков — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

1. В настоящее время темой моей работы является историческая мысль Дона XIX—XX вв., труды донских историков, их жизнь и судьба.

2. Современная региональная история может представлять материал для исследований более общего характера. Но в то же время развитие современной историографии (начиная примерно с последней четверти XX в.) возвело региональную историю в ранг крупного направления научного исторического познания. Это соответствует общей тенденции к конкретизации и гуманизации научного исторического познания, к стремлению отойти от абстрактно-социологического схематизма, характерного для позитивистской традиции и получившего продолжение в методологии истории прошлого столетия.

3. Каждое из направлений вносит свой вклад в исследование региона, в т. ч. в его историческое исследование. Но различие, как представляется, есть. Краеведение в большей мере носит на себе налет популярности и любительства. Что касается регионалистики, то она носит исключительно научный характер. Однако между краеведением и регионалистикой могут быть определенные точки соприкосновения. Материал, собранный добросовестными краеведами, вполне может быть включен в научное регионоведческое исследование. Негативного отношения к краеведению, которое имеет место среди определенной части историков, я не разделяю.

4. Представляется, что регионалистика развивается не изолированно от общего развития исторической мысли и методологии истории. В частности, исследование по проблемам исторической регионалистики можно вести при опоре на традиционные принципы научного исторического исследования. В этом отношении очень глубок познавательный ресурс, связанный с опорой на принцип историзма. В то же время не менее глубок научный ресурс исследовательского направления, основывающегося на взгляде на историческое познание как на понимание человека и общества другой культуры, или на методологическом принципе признания чужой одушевленности, сформулированном А. С. Лаппо-Данилевским.

5. Положительно ответить на этот вопрос в данный момент едва ли представляется возможным. Развитие исследовательской практики по проблематике региональной истории, возможно, позволит прояснить этот вопрос и подведет историков как исследователей-практиков к необходимости какой-то особой методологической оснастки для регионоведческих исследований по сравнению с научным историческим познанием вообще.

6. Как я понял, речь идет о методологическом плюрализме и толерантности. По-видимому, к настоящему времени это возможно в регионалистике в той же степени, как и в историческом исследовании вообще. Во всяком случае, если в исторических исследованиях может иметь место совмещение, по терминологии А. В. Лубского, принципов «классической» и «неклассической» методологии научного исторического познания, то это возможно и в исторической регионалистике.

7. О направлении «новая локальная история» знаю, о центре я осведомлен скудно. Между тем этот центр, в рамках которого, насколько я знаю, работает, в частности, С. И. Маловичко, представляется весьма полезным. В актуальности и применимости познавательного ракурса «история региона как история культурно-исторических сообществ» не сомневаюсь.

8. Частично — да, в свете проблематики изучения деятельности и трудов донского историка первой четверти XIX в. есаула Е. Н. Кательникова, писавшего о взаимодействии таких носителей исторически оригинальных культур, как донские казаки станицы Верхнекурморской Второго Донского сысского начальства и их соседи — калмыки.

9. Методы в целом традиционные. Представляется вместе с тем интересным исключительно сложный метод психологического проникновения в изучаемую реальность прошлого. Следует, однако, учитывать, что опора на этот метод требует вживания в изучаемую реальность. Например, чтобы работать по теме о местных историках начала XX в. и раннего советского периода, не исключено, что нужно проникнуть в образ жизни Ростова того времени, почувствовать себя в нем: например, топить печку дровами и углем.

10. Это нужно и интересно для людей. Кстати, люди не любят, когда их «воспитывают». Всякие целенаправленные «мероприятия по патриотическому воспитанию» не дадут результата, или, вернее, дадут эффект, обратный ожидаемому начальством. Вроде того, что дурацкое насаждение религии в школе оттолкнет от нее молодых людей: едва ли до революции дисциплина «Закон Божий» привлекала к религии и к вере. В то же время знание

исторической реальности, правды о прошлом может способствовать развитию интереса к прошлому, к истории своей малой родины, к ее людям. Несомненно, что всякое изучение местной истории интересно, нужно и полезно. И, несомненно, что человек должен знать не только «пафосные», но и «темные» страницы местной истории.

11. Кажется, что такая необходимость пока еще есть. Вопрос насчет «занимательных рассказов» также не случаен. Тенденция к подобной подаче истории имеется, она проявилась отчасти в проекте «Казус», где прослеживалось стремление видеть в истории набор казусов. Но, в конце концов, знание казусов, относящихся к истории региона, также интересно и полезно. За этими казусами стоят люди, а за случайностью так или иначе прослеживается закономерность.

Белов Алексей Викторович — канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

1. Меня интересует несколько проблем: исторические регионы (историко-культурные регионы) — сам факт их существования и возможности выделения и изучения; города и городская сеть Европейской России с точки зрения изучения в рамках исторической, а не классической географической науки; центральная Россия как исторический регион: его понимание, его городская сеть, внутренняя структура центральной России, процесс ее развития. Хронологически мои интересы локализируются концом феодализма и Новым временем. В этих рамках — наибольшее внимание уделено концу XVIII — концу (третьей четверти) XIX вв.

2. Здесь присутствуют оба аспекта. О степени их доминирования говорить сложно, т. к. отсутствует единое информационное пространство. В оценке можно опираться только на собственные (нередко обрывчатые) впечатления. Складывается ощущение о доминировании (или активном присутствии) «иллюстративной», а не исследовательской формы деятельности. Но однозначно утверждать это сложно, т. к. нет знания всей картины. Многие не только местные, но и центральные исследовательские направления наверняка оказались вне «зоны видимости». Кроме того, описание и иллюстративная составляющая истории регионов пользуется поддержкой местных властей, которые взяли на вооружение именно эту форму освещения истории и потенциала как своего региона, так и своей работы. А участие властей (для нашей страны в особенности) — важнейший движущий фактор.

Другая причина погрешности — многие научные региональные работы не получают своего продолжения и не сливаются между собой в обобщающие труды групп специалистов, которые, к сожалению, не всегда объединяются для создания фундаментальных работ. Причин несколько. Одна из них состоит в том, что ряд региональных работ пишется как кандидатские диссертации по общей проблеме, но на местном материале. При получении их автором степени изучение не всегда имеет продолжение.

Плюрализм — благо науки. Возможность самой перспективы ее развития. Любой новый подход, который позволяет глубже заглянуть в многосложную реальность, положителен. Его необходимо не только использовать, но и защищать, и отстаивать. Должны существовать научные школы, которые заявляли бы себя и позиционировали свои подходы, свои работы, своих приверженцев. Не страшно, если наряду с социально-экономическим будут иные и многие. Но о них надо знать и их надо понимать. В современных условиях непонятно ни сколько их, ни кто и как их воспринимает, какие исследователи и какие работы к ним относятся. Нет элементарной структурированности форм современного регионального знания. В результате получается, что каждый додумывает и переосмысливает под свои знания то, чего он может и не знать. Это часто я ощущаю на себе.

3. Здесь (как мне представляется) два аспекта. Один — терминологический. Это сложнейшая проблема, которую давно требуется начать решать, в противном случае любой разговор оказывается бессмысленным из-за банального непонимания сторонами. Если это невозможно на уровне словаря, с четко описанными терминами, то хотя бы на уровне хрестоматии — собирающей в одной статье основные трактовки разных авторов и их характеристики.

Второй — условно его можно назвать психологическим. Поясню. Тенденции последних лет привели к вседозволенности, в т. ч. и в изложении исторического материала. Борьба за свободу слова и всевластие денег привели к уничтожению фильтров качества. Итогов этого много в самых разных сферах. Один из них — публикации без отчета за качество, но с большим личным задором. В итоге (как это видится мне) слово «краеведение» в сегодняшней историографической ситуации набрало много отрицательных аналогий. Это ясно многим

и высокопрофессиональным исследователям, подвижникам своей родной истории, как краеведам, так и ученым-историкам.

Для себя я это различие делаю и в нынешних условиях определяю как:

- Краеведение — это преимущественно «краелюбие» (блистательная трактовка С. О. Шмита) и общественное движение.

- Регионалистика — научное направление, в т. ч. исторического исследования. Предусматривает изучение внутренних закономерностей развития объективно существующего, устойчиво воспринимаемого современниками региона (историко-культурного региона, административного, культурно-национального образования). Помимо изучения, региона этот подход позволяет увидеть процесс не абстрактного, теоретического протекания изменений (чем грешит марксистская парадигма), а конкретное решение конкретных проблем в разных реалиях (как временных, так и пространственных). Это чрезвычайно важно для любой неоднородной страны. Для России, как мне представляется, в особенности.

- Самостоятельное место занимает третье понятие — региональный материал (источник), т. е. данные по конкретной территории, которые используются как в узко региональной, так и обобщающей работе.

- Понятие «академическое научное исследование» существует, но сводить его к обзору всей страны уже нельзя. Действительность показала, насколько различны условия и разные типы развития, а также как важно это учитывать. Поэтому так называемый академический подход применим не только ко всей стране в целом (традиции глобальной тематики, присущей советской школе), но и к меньшим ее территориям. В целом это можно обозначить как локальная история. Но при этом надо оговориться, что данный термин используется также для обозначения совершенно иного историографического явления — «лестерской» школы.

4. Не думаю. Она строится преимущественно на описательных началах. Или на изложении материалов местного музея, исходя из схемы его экспозиции. Не чувствуется поиска и объяснения непохожести, ее причин. Региональный подход дал толчок скорее к развитию научного направления.

5. Да. Бесспорно, и обязательно. Их можно принимать и использовать, или отрицать и искать иное. Но невозможно двигаться по болоту, не иметь под ногами четкой опоры, не видя ориентира. Кроме того, просто неразумно (глупо) не использовать то, что уже есть в приемах науки, что применимо, на создание чего люди потратили свои жизни. И после них проходить этот путь заново (хотя и это тоже необходимо и в ряде случаев неизбежно). Лучше использовать их наработки и двигаться дальше, но уже по своей, сугубо своей дороге.

Даже в условиях отсутствия принятой методологии, она, так или иначе, уже существует, т. к. любой исследователь ищет объяснения процессу и обосновывает его для себя самого, исходя хотя бы исключительно из сугубо эгоистических побуждений — понимать, что он делает и на что он должен обращать внимание в источниках. А если эти подходы и так существуют, то почему бы их не собрать и не осмыслить. А затем (если Вам кажется это применимым для ваших вопросов и материала) — использовать. При этом должна сохраняться возможность существования нескольких научных школ. А также необходим диалог между ними.

6. Требуется. Но не могу ответить на него однозначно, т. к. не очень ясно представляю, что в научном процессе означают понятия «плюрализм» и «толерантность». Их можно трактовать в совершенно разных значениях. Как мне кажется, здесь в первую очередь выступает вопрос личного воспитания, профессиональных качеств и ума. В первую очередь требуется уважение к творцу, к труду и человеку.

7. Знаю. Сотрудничаю с Межвузовским научно-образовательным центром «Новая локальная история». Подход применим, но все же. Во-первых, это очень индивидуально. Во-вторых, не хватает общения с носителями различных подходов, возможность напрямую проговорить с ними свои и их подходы.

8. Я знаком с рядом подходов. Некоторые мне представляются не удобными (в частности из-за отсутствия первичного источникового материала и иной национальной практики). Другие, напротив — удобными и необходимыми к использованию. Как, например, историко-культурные регионы. Но, полагаю, что в полной степени тематика, предложенная в рамках «новой локальной истории», в моей практике не находит применения. Для ее полноценного использования необходимо наличие не разобщенных исследований, а некоего одного поля деятельности и обобщающих работ, а также возможность «вариться» внутри этого и других

подходов. Этих трех аспектов крайне не хватает. Для работы надо быть включенным в некое общее научное пространство. А это часто определяется или отношением к научной школе, или случайностью.

9. Думаю, что здесь я чаще всего иду от себя и на ощупь. Наиболее интересны для меня в настоящее время принципы рассмотрения пространства города как пересечение и взаимодействие нескольких зон и типов границ. Традиционные подходы — классический социально-экономический, который не нужно списывать. Стоит отметить, что в отечественной практике многие его черты содержат в себя работы социокультурного подхода. Также меня интересует междисциплинарный подход, в частности, работа на стыке истории и географии.

10. Я глубоко убежден, что страну от уничтожения спасли не банкиры, а историки-патриоты (в самом банальном и привычном понимании этого слова), которые не могли не говорить и говорили, что потоки грязи на прошлое и настоящее Родины — это исторический эпизод, а примеры ее истории трактовать в сторону охаивания — часто смешно и прозрачно. Малая родина — есть опора этого миропонимания. Кроме того, она надежный материал для понимания своей страны и ее индивидуального пути.

11. По первому закону диалектики давно уже пора перейти от количества к качеству. Необходимо не описывать и забавлять, а анализировать и давать ответы на вопросы. Кроме того, проблема состоит также в качестве работы, которая должна открывать глаза на то, что это было, почему это произошло именно так, какие мы есть, на характер и на процесс. Но, как мне представляется, это останется без решения до тех пор, пока местная власть не обратит на это свое внимание и свои возможности. Пока не появится потребности в понимании своего прошлого в целом в стране, что, впрочем, набирает обороты. Это как с современными отечественными историческими фильмами.

Хубулова Светлана Алексеевна — д-р ист. наук, профессор (г. Владикавказ)

1. Повседневная жизнь 1920-х гг. и аграрная история первой трети XX в. Многие вопросы региональной истории могут быть поняты через призму изучения этих вопросов.

2. Современная региональная история — самостоятельное исследовательское направление.

3. Регионалистика включает, на наш взгляд, более широкий круг проблем.

4. Несомненно, повлиял, т. к. некоторые проблемы стали рассматриваться по-новому, а ряд направлений (городская история, история повседневности, культурная антропология) только оформляется.

5. Нет.

6. Все должно проходить в разумных границах, т. к., например, плохое знание истории Кавказа приводит к необдуманным выводам и поверхностным исследованиям, что влечет за собой напряжение между народами.

7. Да, в Интернете слежу за работой этого центра. Познавательный ракурс прививает определенный вкус к региональной истории, делает ее более понятной, интересной и доступной для рядовых обывателей.

8. Несомненно, эти направления стали частью наших исследований.

[9—10]. История воспитывает в поколении патриотизм, любовь к прошлому, его знание, а не восторги по поводу славного прошлого своих предков.

11. Несомненно, необходимость такая существует, есть еще достаточно «белых» пятен. Глубокое изучение локальной истории позволяет определить особенности данного региона, но в то же время позволяет определить и то общее, что объединяет народы, населяющие данный регион.